

Научная статья

УДК 159.922.8+316.6

DOI: 10.15293/2312-1580.2403.05

Взаимосвязь субъективного ощущения одиночества и виктимного поведения в подростковом возрасте

Мельникова Юлия Алексеевна, Андронникова Ольга Олеговна

*Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается подростковый период развития с его возрастными кризисами и особенностями. Обозначены специфические проблемы подросткового периода: одиночество и виктимное поведение. Цель исследования – выявление взаимосвязи субъективного ощущения одиночества и виктимного поведения в подростковом возрасте. Дана характеристика феномена одиночества как многогранного сложного конструкта, раскрыты особенности переживания одиночества в подростковом возрасте. Анализируется связь типов переживания одиночества с личностными особенностями и поведенческими проявлениями в юношеском возрасте. Особое внимание уделяется виктимному поведению. Для подтверждения гипотезы о взаимосвязи субъективного ощущения одиночества и виктимного поведения в подростковом возрасте проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 40 подростков в возрасте 15–16 лет (учащиеся 8–9-го классов). Результаты исследования подтверждают, что феномены склонности к виктимному поведению и одиночества в подростковом возрасте сопряжены между собой.

Ключевые слова: одиночество; субъективное ощущение одиночества; виктимность; виктимное поведение; подростковый возраст.

Для цитирования: Мельникова Ю. А., Андронникова О. О. Взаимосвязь субъективного ощущения одиночества и виктимного поведения в подростковом возрасте // СМАЛЬТА. 2024. № 3. С. 55–67. DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2403.05>

Research Article

The Relationship between the Subjective Feeling of Loneliness and Victim Behavior in Adolescence

Yulia A. Melnikova, Olga O. Andronnikova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article examines the teenage period of development with its age-related crises and characteristics. Specific problems of adolescence are identified: the problem of loneliness and victimized behavior. The purpose of this study is to identify the relationship between the subjective feeling of loneliness and victim behavior in adolescence. The phenomenon of loneliness is characterized as a multifaceted complex construct, and the features of the experience of loneliness in adolescence are revealed. Analyzing the

© Мельникова Ю. А., Андронникова О. О., 2024

connection between the types of experiences of loneliness and personal characteristics and behavioral manifestations in adolescence. Particular attention is paid to victim behavior. To confirm the hypothesis about the relationship between the subjective feeling of loneliness and victim behavior in adolescence, an empirical study was conducted in which 40 adolescents aged 15–16 years, 8th–9th grade students, took part. The results of the study confirm that the phenomena of propensity to victimized behavior and loneliness in adolescence are interrelated.

Keywords: loneliness; subjective feeling of loneliness; victimization; victim behavior; adolescence.

For Citation: Melnikova Yu. A., Andronnikova O. O. The Relationship between the Subjective Feeling of Loneliness and Victim Behavior in Adolescence. *SMALTA*, 2024, no. 3, pp. 55–67. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2403.05>

Введение. Актуальность изучения взаимосвязи переживания одиночества и склонности к виктимному поведению в подростковом возрасте определяется значимостью этих феноменов для личностного развития, качества жизни, психического, психологического, социального здоровья. Отражая сложную противоречивую индивидуально-социальную природу человека, ярко выраженное переживание одиночества в подростковом возрасте может стать причиной разочарований, ограничить развитие подростка, привести к различного рода искажениям социально-психологической активности, в том числе виктимному поведению.

В условиях ослабления семейных связей и традиционных ценностей, социального расслоения общества и виртуализации контактов проблема одиночества обретает особую актуальность. Эти же факторы в совокупности с социально-экономической и политической нестабильностью, многообразием социальных конфликтов определяют рост различных форм дезадаптации личности, отклоняющегося поведения, в том числе виктимного характера, которое предрасполагает к попаданию в проблемные, конфликтные и криминогенные ситуации. При значительном количестве исследований, посвященных одиночеству, его различным формам и проявлениям, с одной стороны, и высоком интересе к проблеме виктимности, в том числе в подростковом периоде жизни, с другой стороны, совместных исследований этих феноменов недостаточно.

Основные теоретические положения. Феномен одиночества интересует мыслителей начиная с древних времен, что нашло отражение в философских размышлениях, художественных произведениях, мифах. Научное изучение одиночества началось в 1930-е гг., а с 1980-х гг. стали появляться теоретические и прикладные разработки, в том числе методики и программы помощи людям, страдающим от одиночества [15].

В отечественной психологии проблема одиночества начала разрабатываться на несколько десятилетий позже, чем в зарубежной психологии. Это связано с идеологическими причинами недопустимости упаднических настроений у советского человека [6]. Тематика одиночества в советский период развития российской психологии задавалась в определенных ракурсах: переживаний в экстремальных условиях, вследствие потерь и разводов, как невозможность найти эмоциональный отклик. Нередко одиночество выступало не предметом специального анализа, а иллюстрацией каких-то других психологических особенностей или социальных явлений [7]. В последние три десятилетия тема одиночества активно исследует-

ся и в отечественной психологии, в том числе с опорой на зарубежные разработки и традиции отечественной методологии. Появились работы таких авторов, как Н. Е. Покровский [15], Е. А. Манакова [12], Н. С. Поздеева [14], Г. М. Тихонов [18], в которых рассматриваются различные аспекты одиночества.

В общем виде одиночество определяется как сложный многогранный феномен, во многом противоречивый, включающий как индивидуальные, так и социальные аспекты [2]. На неоднозначность, разнородность, противоречивость понимания одиночества указывают, например, Е. Н. Заворотных [6], С. Г. Корчагина [7], Н. Е. Покровский [15].

Негативный аспект одиночества представлен в исследованиях Т. Л. Крюковой [8], Е. А. Манаковой [12], Н. С. Поздеевой [14]. Г. М. Тихонов пишет о том, что одиночество протекает на когнитивном, эмоциональном и деятельностном уровнях. Автор определяет его как «болезненное осознание внутренней отделенности от других людей и возникающая на почве этого тоска по человеческой связи и придающим смысл отношениям» [18, с. 9]. Для одиночества характерны аффективные эмоциональные переживания изолированности, пустоты, отверженности, тоски и др., которые обязательно предваряются восприятием, сравнением, интерпретациями.

В последние годы отчетливо прослеживается тенденция выделять позитивный полюс одиночества, т. е. такое состояние одиночества, которое комфортно для человека, вызывает позитивные эмоции. Далеко не все авторы разделяют мнение о возможности позитивного полюса одиночества (так как одиночество принципиально отличается от уединения). Осознанный подход к переживанию своего одиночества может стать побудительным стимулом для корректировки субъектом своей деятельности и межличностного общения [14].

Одиночество оценивается как фактор снижения качества жизни, эмоционального благополучия, психического и психологического здоровья [12]. В современной зарубежной психологии принято считать, что субъективно оцениваемое одиночество более важный предиктор негативных последствий для здоровья, чем объективная социальная изоляция [21]. При признании того, что основа переживания одиночества имеет личностный характер, в качестве значимых рассматриваются социальные, социокультурные факторы [2]. Исследователи выделяют качества, способствующие одиночеству: низкую самооценку, агрессивность, наличие внутреннего конфликта, неадекватные притязания, эгоцентризм, скудные коммуникативные и социальные навыки, преобладание монологического стиля общения, эмоциональную неустойчивость, застенчивость. Данные качества сильнее всего проявляются в период подросткового возраста [4; 16; 18].

Подростковый возраст характеризуется как насыщенный противоречиями переломный для становления личности период развития, когда в устойчивом стремлении к самостоятельности, социально полезной деятельности, эмоционально-личностному общению формируется личность. Свойственные возрасту противоречия и кризисы обуславливают большую уязвимость подростков к неблагоприятным воздействиям среды, дополнительными факторами для проблемного поведения и переживаний выступают сложная ситуация в обществе.

Е. В. Руденский [17] считает, что для успешной социализации подростку особенно важны развитие социальных компетенций, психокультурной ментализации (рефлексии, переживания, идентификации, социально-когнитивной реконструкции), эмоционального интеллекта, механизмов саморегуляции, а их дефицит приводит

к уязвимости личности к различного рода стрессам, кризисам, конфликтам, что повышает ее склонность к виктимному проявлению. Названные Е. В. Руденским качества, нехватка которых в подростковом возрасте способствует виктимизации, можно отнести и к предикторам одиночества.

О. О. Андронникова определяет виктимность как «совокупность свойств человека, обусловленных комплексом социальных, психологических и биофизических условий, способствующих дезадаптивному стилю реагирования субъекта, приводящему к ущербу для его физического или эмоционально-психического здоровья» [3, с. 8]. Виктимное поведение представляет собой «отклонение от норм безопасного поведения, реализующееся в совокупности социальных, психических и моральных проявлений личности» [3, с. 9]. В определении М. П. Долговых [5] под виктимностью понимается совокупность приобретенных качеств человека, обусловленных комплексом социальных, психологических и биофизических условий, предрасполагающая к небезопасному для физического и эмоционально-психического здоровья индивида.

Обобщая характерные особенности виктимного субъекта, И. Г. Малкина-Пых [11] указывает на трудности в принятии решений, постоянное стремление к положительному отношению к себе, беспомощность и дискомфорт при отсутствии контактов, неадекватное отношение к критике, зависимость от окружающих, острая боязнь одиночества, привязанность к другим, слабость личностных границ. Высокий уровень виктимности сочетается с такими качествами личности, как низкая способность к интеграции поведения, социальная робость, низкий уровень самоконтроля, склонность к самоотдаче, эмоциональная лабильность, повышенная тревожность [16]. В этот перечень можно добавить такие качества, как склонность к самоупрекам, недооценка или переоценка своих реальных возможностей [9]; размытость и неопределенность границ психологического пространства, неадекватность и амбивалентность образа «Я», диффузия идентичности [20]. Е. В. Руденский [17] связывает виктимность с дефицитом субъектности, которая включает такие характеристики личности, как автономность, активность, аутентичность, адаптивность.

Т. А. Аверкиева и Е. В. Швецова [1], рассматривая взаимосвязь субъективного переживания одиночества и риска виктимного поведения, отмечают, что ощущение одиночества приводит к стрессу, снижению самооценки, негативным психоэмоциональным состояниям, которые подросток стремится преодолеть, используя доступные для него формы поведения, зачастую не всегда конструктивные и социально одобряемые, в том числе такие формы поведения, которые расцениваются как виктимные. В свою очередь, виктимная реализация может усугубить ощущение одиночества.

Таким образом, рассматривая одиночество как многогранный сложный конструкт, ядром которого выступают переживания собственной невовлеченности в связи с другими людьми, неудовлетворенности потребностей в социальном взаимодействии и близких доверительных отношениях, мы предполагаем его взаимосвязь с виктимным поведением в подростковом возрасте. Основанием для такого предположения выступает выявленная специфика возрастных потребностей и психологических особенностей подросткового возраста, а также общность некоторых факторов, способствующих одиночеству и склонности к виктимности.

На основании теоретических положений была сформулирована цель исследования – установление взаимосвязи субъективного ощущения одиночества и виктимного поведения в подростковом возрасте.

Методология. Объектом исследования выступило субъективное ощущение одиночества в подростковом возрасте, предметом – виктимное поведение и его взаимосвязь с субъективным ощущением одиночества в подростковом возрасте.

Эмпирическое исследование проведено на базе общеобразовательной школы № 190 города Новосибирска. В исследовании приняли участие 40 подростков в возрасте 15–16 лет, учащиеся 8–9 классов, из них 20 мальчиков и 20 девочек. Исследование анонимное, добровольное, все участники дали согласие на его проведение.

Диагностический комплекс включает методики, позволяющие изучить феномен одиночества и виктимное поведение в подростковом возрасте. Шкала субъективного ощущения одиночества (Д. Расселл, Л. Пепло, М. Фергюсон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой) [19] предназначена для определения самоощущения одиночества. Опросник переживания одиночества (Е. А. Манакова) опирается на понимание одиночества как негативного социально-психологического переживания личности, связанного с неудовлетворенностью социальных потребностей [12]. В методике шесть шкал, которые дают различные характеристики одиночества. Методика исследования склонности к виктимному поведению (О. О. Андронникова) предназначена для измерения предрасположенности личности к виктимному поведению на основании самооценивания социальных и личностных установок [3]. Она содержит семь шкал, одна из которых выявляет социальную желательность ответов, а остальные характеризуют типы виктимного поведения. Статистическая обработка данных проводилась с применением ранговой корреляции г-Спирмена для выявления взаимосвязи между выраженностью проявлений ощущения одиночества и виктимности подростков. Расчеты производились с помощью стандартного статистического пакета SPSS 17.0.

Результаты. Результаты проведенного исследования показали, что в выборке преобладают респонденты со средним уровнем субъективного переживания одиночества по методике Рассела – Фергюсона. Высокий уровень одиночества испытывают 18 % респондентов (7 подростков), которые субъективно переживают дефицит в доверительных близких отношениях, чувствуют себя покинутыми, несчастными, изолированными от других. 13 % испытуемых (5 подростков), напротив, отличаются низким уровнем одиночества, т. е. удовлетворены контактами с людьми и самим собой, в большинстве случаев находят того, с кем можно поделиться и обсудить важные темы и значимые переживания. Основная доля участников исследования – 70 % подростков (28 человек) – умеренно переживает одиночество.

Для выявления различных характеристик одиночества подростков как следствия объективно или субъективно воспринимаемого дефицита отношений с окружающими использовался опросник Е. А. Манаковой. На рисунке 1 наглядно представлен среднегрупповой уровень по шкалам методики.

Таким образом, в подростковом возрасте переживаются разные виды одиночества, проявляющиеся через разные оттенки переживаний: тревожности, мнительности, неуверенности в себе; избегание близости, которая вызывает беспокой-

ство; избегание ответственности, которая неизбежна в построении отношений; ощущение недооцененности, непонятости; безответности чувств.

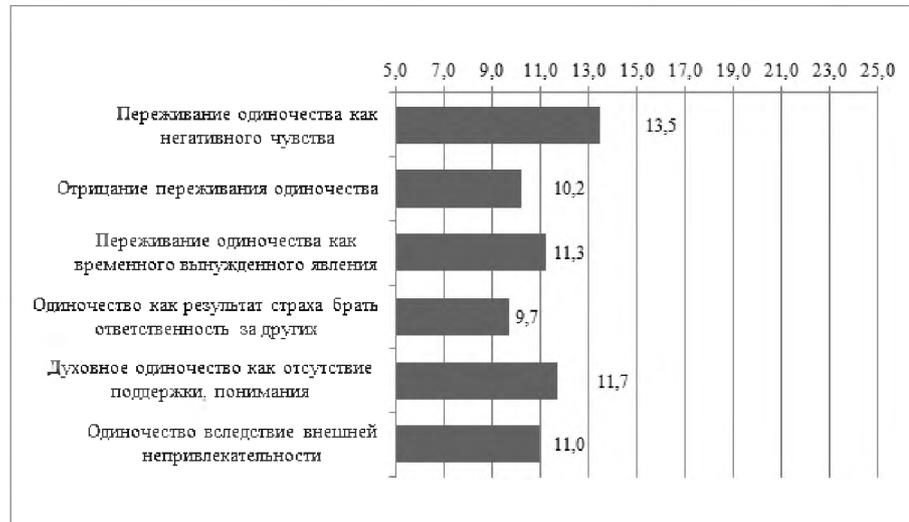

Рис. 1. Среднее значение уровня переживания одиночества по опроснику Е. А. Манаковой

Полученные результаты по методике склонности к виктимности показали, что имеются подростки со средней, низкой и высокой выраженностью виктимности всех типов. Высокий уровень виктимности может проявляться по какому-то одному типу или сочетать в себе виктимные склонности разных типов.

В исследуемой выборке 23 подростка (57,5 %) имеют высокий уровень склонности к виктимному поведению по одной или более моделям виктимности. На рисунке 2 представлено распределение по уровням склонности к виктимности в выборке исследования.

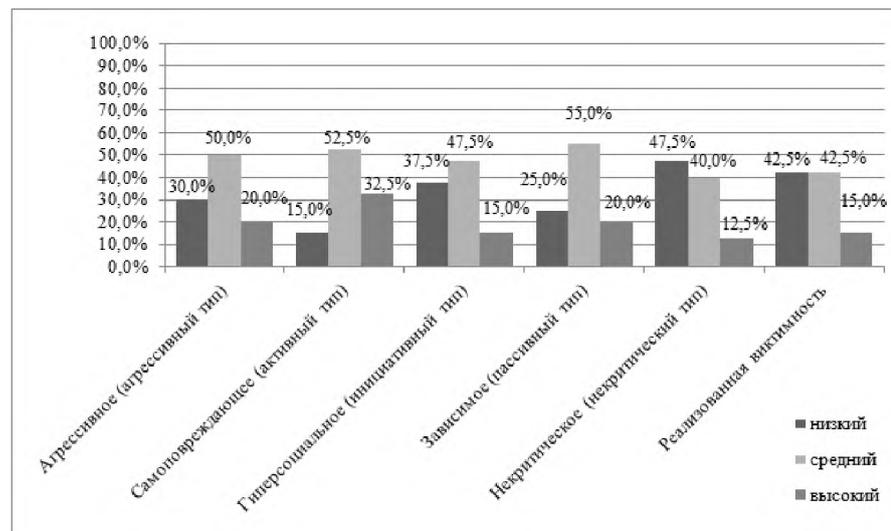

Рис. 2. Значение уровней склонности к виктимности

По результатам корреляционного анализа на выборке подростков нашего исследования выявлен ряд прямых и обратных взаимосвязей субъективного переживания одиночества и видов одиночества со склонностью к виктимности (табл.).

Таблица

Значимые взаимосвязи переживания одиночества и склонности к виктимности в выборке подростков по критерию г-Спирмена

Шкалы одиночества		Склонность к виктимности					
		Агрессивный тип	Самоповреждающий (активный) тип	Гиперсоциальный (инициативный) тип	Зависимый (пассивный) тип	Некритический тип	Реализованная виктимность
Субъективное переживание одиночества	r	–	0,391	–	0,636	0,321	0,578
	p		0,013		0,000	0,044	0,000
Переживание одиночества как негативного чувства	r	–	–	–	0,610	–	0,400
	p				0,000		0,010
Отрицание переживания одиночества	r	–	–	–	–	–	–
	p						
Переживание одиночества как временного вынужденного явления	r	-0,507	–	–	–	-0,348	–
	p	0,001				0,028	
Одиночество как результат страха брать ответственность за других	r	0,438	0,323	-0,514	–	–	0,542
	p	0,005	0,042	0,001			0,000
Духовное одиночество как отсутствие поддержки, понимания	r	–	–	–	0,373	–	–
	p				0,018		
Одиночество вследствие внешней непривлекательности	r	–	–	–	0,575	–	0,364
	p				0,000		0,021
Общий показатель одиночества	r	–	–	–	0,669	–	0,469
	p				0,000		0,002

Как выяснилось, из видов виктимности наиболее сопряжены с одиночеством склонность к зависимому виктимному поведению и реализованная виктимность.

Обсуждение результатов. На рисунке 3 представлены выявленные взаимосвязи субъективного переживания одиночества и виктимного поведения.

Можно сделать вывод, что чем больше выражено виктимное поведение самоповреждаемого, зависимого, беспомощного типа, тем сильнее ощущение себя одиноким, переживание дисфории, тревоги, печали. Чем чаще в течение своей жизни подросток попадал в неприятные или опасные ситуации виктимного плана, тем сильнее переживание по поводу вероятных неудач в отношениях с людьми и тем выше чувствительность к отвержению или неудаче.

Рис. 3. Корреляционная плеяда взаимосвязи субъективного переживания одиночества и склонности к виктимности по методике Рассела – Фергюсона

Примечание: ——— прямая взаимосвязь * – $p \leq 0,05$;
 ——— прямая взаимосвязь ** – $p \leq 0,01$.

Взаимосвязь склонности к социальной роли жертвы с переживанием отчуждения, отсутствия значимых связей с окружающими людьми, выделенные Е. Е. Панченко [13], согласуется с полученной нами взаимосвязью склонности к виктимности зависимого типа с ощущением подростками себя обособленными, непонятыми и лишенными поддержки.

Для выявления специфики взаимосвязи между различными по содержанию типами переживания одиночества подростков с виктимным поведением была использована дополнительная диагностическая методика Е. А. Манаковой. Корреляционная плеяда представлена на рисунке 4.

Рис. 4. Корреляционная плеяда взаимосвязи субъективного переживания одиночества и склонности к виктимности по методике Е. А. Манаковой

Примечание: ——— прямая взаимосвязь * – $p \leq 0,05$; ——— прямая взаимосвязь ** – $p \leq 0,05$;
 - - - - - обратная взаимосвязь * – $p \leq 0,01$; - - - - - обратная взаимосвязь ** – $p \leq 0,01$

Анализ корреляционной плеяды позволяет выделить ряд закономерностей. Шкала реализованной виктимности имеет прямую взаимосвязь с общим показателем одиночества, переживания одиночества как негативного состояния, одиночества как страха ответственности и собственной непривлекательности. Таким образом, чем чаще в течение своей жизни подросток попадал в неприятные или опасные ситуации, тем сильнее у него переживание дисфории, тревоги, печали по поводу вероятных неудач в отношениях с людьми, выше чувствительность к отвержению или неудаче; сильнее избегание обязательств и трудностей, которые неизбежны в построении межличностных отношений; сильнее ощущение неценности, непонятности; чаще ощущение себя «белой вороной», невозможности ответных чувств.

Виктимность зависимого типа связана с такими переживаниями, как духовное одиночество, одиночество вследствие внешней непривлекательности, переживания одиночества как негативного состояния. Это означает, что позиция жертвы, зависимость, беспомощность в поведении связана с ощущением одиночества, с сопутствующими переживаниями дисфории, тревоги, печали по поводу вероятных неудач в отношениях с людьми.

Отметим, что переживание одиночества как временного явления отрицательно связано со склонностью к агрессивному и некритическому поведению виктимного плана. Это может объясняться склонностью концентрироваться на себе при переживании одиночества как временного вынужденного явления, при ограниченности контактов. Интересно, что одиночество как результат страха ответственности положительно связано с такими поведенческими проявлениями, как виктимность агрессивного типа, реализованная виктимность, самоповреждающее поведение, и отрицательно – с гиперсоциальным виктимным поведением. Данные взаимосвязи кажутся закономерными, так как именно агрессивное и некритическое поведение характеризуется экстернализированным локусом контроля, а гиперсоциальное виктимное поведение – экстернальным. Не до конца понятна взаимосвязь самоповреждающего поведения и одиночества в результате страха ответственности, что требует дополнительных исследований.

Отметим, что представление о внешней непривлекательности в подростковом возрасте выступает тяжелым переживанием, приводящим к одиночеству, виктимному зависимому поведению, реализованной виктимности, что в принципе согласуется с исследованиями Е. А. Манаковой [12].

Полученные данные о прямой взаимосвязи между переживанием одиночества и шкалами склонности к зависимому виктимному поведению, некритическому виктимному поведению, реализованной виктимности согласуются с результатами Л. О. Максименковой [10], полученными на юношеской выборке. В нашем исследовании, кроме этих закономерностей, также выявлено, что субъективное переживание одиночества прямо взаимосвязано со склонностью к виктимности самоповреждающего типа.

Данные о взаимосвязях склонности к виктимному поведению и переживанию одиночества перекликаются с результатами Е. Е. Панченко и Т. Е. Яценко [13], которые использовали другие методики. Авторы также отмечают взаимосвязь аутовиктимного поведения с проблемным переживанием одиночества. Взаимосвязь склонности к социальной роли жертвы с переживанием отчуждения, отсутствия значимых связей с окружающими людьми, выделенная Е. Е. Панченко,

согласуется с полученной нами взаимосвязью склонности к виктимности зависимого типа с ощущением подростками себя обособленными, непонятыми и лишенными поддержки.

Выводы. В целом проведенное исследование подтверждает, что феномены склонности к виктимности и одиночества в подростковом возрасте сопряжены между собой. Подростки характеризуются довольно выраженным показателем переживания одиночества, что согласуется с общим положением об уязвимости подросткового возраста для одиночества, когда «Я» подростка еще неустойчиво, хрупко.

Виктимное поведение подростков может проявляться по какому-то одному типу или сочетать в себе виктимные склонности разных типов. Высокий уровень виктимности выявлен у 60 % подростков по одной или более моделям виктимности.

Корреляционный анализ позволил увидеть разные закономерности взаимосвязи параметров переживания одиночества и склонности к виктимности. Субъективное переживание одиночества на значимом уровне связано с самоповреждающим, зависимым, некритическим типами виктимного поведения, реализованной виктимностью. По методике Е. А. Манаковой наиболее чувствительной шкалой одиночества к виктимному поведению является шкала переживания одиночества как результата страха брать ответственность за других. Из видов виктимности наиболее сопряжены с одиночеством склонность к зависимому виктимному поведению и реализованная виктимность.

Полученные в ходе эмпирического исследования данные о взаимосвязях одиночества и склонности к виктимности в период подросткового возраста согласуются с литературными источниками, дополняют представления об особенностях переживаний подростков.

Дальнейшее развитие темы может быть продолжено в направлении выявления выраженности и связанности переживания одиночества и склонности к виктимному поведению у людей разных возрастных групп. Перспективность подобных исследований обусловливается актуальностью проблемы одиночества и задач первичной и вторичной профилактики виктимности.

Список источников

1. Аверкиева Т. А., Швецова Е. В. Одиночество в подростковом возрасте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-4. С. 121–125.
2. Андронникова О. О. Социально-психологические факторы и особенности субъективного переживания одиночества в студенческом возрасте // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19, № 3. С. 135–149. DOI: <https://doi.org.10.21702/grj.2022.3.9>
3. Андронникова О. О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Новосибирск, 2005. 22 с.
4. Дементий Л. И., Коротеева Е. М. Одиночество подростков: феноменология, факторы, типология. М.: Директ-Медиа, 2021. 132 с.
5. Долговых М. П. Психологическая детерминация проявления виктимного поведения личности подростка: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2009. 19 с.
6. Заворотных Е. Н. Социально-психологические особенности одиночества как субъективного переживания: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. СПб., 2009. 24 с.
7. Корчагина С. Г. Психология одиночества: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. 228 с.

8. Крюкова Т. Л. Психология совладания с одиночеством // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 49. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v9i49.426>
9. Макаров А. С., Бобченко Т. Г. Психологические особенности виктимной личности // Научный журнал «Студенческий». 2019. № 13 (54). С. 42–47.
10. Максименкова Л. О. Связь субъективного переживания одиночества со склонностью к виктимному поведению // Вестник студенческой научной сессии факультета философии и психологии. 2016. Вып. 11. С. 162–165.
11. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2017. 831 с.
12. Манакова Е. А. Опросник переживания одиночества // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 149–171.
13. Панченко Е. Е., Яценко Т. Е. Особенности переживания одиночества виктимной личностью в юношеском возрасте // В поисках социальной истины: материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2019. С. 158–163.
14. Поздеева Н. С. Коммуникативно-дискурсивные признаки концепта одиночество: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Архангельск, 2013. 22 с.
15. Покровский Н. Е., Иванченко Г. В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. М.: Логос, 2008. 408 с.
16. Рогова Е. Е. Взаимосвязь одиночества и Я-концепции в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/57PSMN621.pdf> (дата обращения: 02.05.2024).
17. Руденский Е. В. Социально-психологическая виктимология личности: пропедевтика. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. 146 с.
18. Тихонов Г. М. Феномен одиночества: теоретические и эмпирические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Ижевск, 2006. 48 с.
19. Шкала ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона // Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. С. 184–186.
20. Яценко Т. Е. Взаимосвязь виктимной деформации личности и склонности к виктимному поведению в подростковом и юношеском возрастах // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 233–241.
21. Hawkey L. C., Cacioppo J. T. Loneliness Matters: A Theoretical and Empirical Review of Consequences and Mechanisms // *Annals of Behavioral Medicine*. 2010. Vol. 40, Issue 2. Pp. 218–227. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12160-010-9210-8>

References

1. Averkieva T. A., Shvetsova E. V. Loneliness in Adolescence. *Current Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 2016, no. 1-4, pp. 121–125. (In Russian)
2. Andronnikova O. O. Socio-Psychological Factors and Features of the Subjective Experience of Loneliness at Student Age. *Russian Psychological Journal*, 2022, vol. 19, issue 3, pp. 135–149. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.3.9> (In Russian)
3. Andronnikova O. O. *Psychological Factors in the Emergence of Victim Behavior in Adolescents*: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Psychological Sciences: 19.00.01. Novosibirsk, 2005, 22 p. (In Russian)
4. Dementiy L. I., Koroteeva E. M. *Loneliness of Adolescents: Phenomenology, Factors, Typology*. Moscow: Direkt-Media Publ., 2021, 132 p. (In Russian)
5. Dolgovykh M. P. *Psychological Determination of the Manifestation of Victim Behavior in a Teenager*: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Psychological Sciences: 19.00.01. Moscow, 2009, 19 p. (In Russian)
6. Zavorotnykh E. N. *Socio-Psychological Features of Loneliness as a Subjective Experience*: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Psychological Sciences: 19.00.05. Saint Petersburg, 2009, 24 p. (In Russian)

7. Korchagina S. G. *Psychology of Loneliness: textbook*. Moscow: Publishing House of Psychological and Social Institute, 2008, 228 p. (In Russian)
8. Kryukova T. L. Psychology of Coping with Loneliness. *Psychological Research*, 2016, vol. 9, no. 49. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v9i49.426> (In Russian)
9. Makarov A. S., Bobchenko T. G. Psychological Characteristics of a Victimized Personality. *Scientific Journal "Student"*, 2019, no. 13 (54), pp. 42–47. (In Russian)
10. Maksimenkova L. O. The Connection Between the Subjective Experience of Loneliness and the Tendency to Victim Behavior. *Bulletin of the Student Scientific Session of the Faculty of Philosophy and Psychology*, 2016, vol. 11, pp. 162–165. (In Russian)
11. Malkina-Pykh I. G. *Victimology. Psychology of Victim Behavior*. Moscow: Eksmo Publ., 2017, 831 p. (In Russian)
12. Manakova E. A. Questionnaire for Experiences of Loneliness. *Siberian Psychological Journal*, 2018, no. 69, pp. 149–171. (In Russian)
13. Panchenko E. E., Yatsenko T. E. Features of the Experience of Loneliness by a Victimized Person in Adolescence. *In search of Social Truth: materials of the I International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, 2019, pp. 158–163. (In Russian)
14. Pozdeeva N. S. *Communicative and Discursive Features of the Concept of Loneliness: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.13*. Arkhangelsk, 2013, 22 p. (In Russian)
15. Pokrovsky N. E., Ivanchenko G. V. *The Universe of Loneliness: Sociological and Psychological Essays*. Moscow: Logos Publ., 2008, 408 p. (In Russian)
16. Rogova E. E. The Relationship Between Loneliness and Self-Concept in Adolescence [Electronic resource]. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2021, no. 6, vol. 9. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/57PSMN621.pdf> (date of access: 02.05.2024). (In Russian)
17. Rudensky E. V. *Socio-Psychological Victimology of Personality: Propaedeutics*. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk State Pedagogical University, 2015, 146 p. (In Russian)
18. Tikhonov G. M. *The Phenomenon of Loneliness: Theoretical and Empirical Aspects: Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophical Sciences: 09.00.11*. Izhevsk, 2006, 48 p. (In Russian)
19. Scale of Feelings of Loneliness by D. Russell and M. Ferguson. Vodopyanova N. E. *Psychodiagnostics of Stress*. Saint Petersburg: Piter Publ., 2009, pp. 184–186. (In Russian)
20. Yatsenko T. E. The Relationship between Victimized Personality Deformation and the Tendency to Victim Behavior in Adolescence and Youth. *Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University*, 2019, no. 3 (43), pp. 233–241. (In Russian)
21. Hawkley L. C., Cacioppo J. T. Loneliness Matters: A Theoretical and Empirical Review of Consequences and Mechanisms. *Annals of Behavioral Medicine*, 2010, vol. 40 (2), pp. 218–227. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12160-010-9210-8>

Информация об авторах

Мельникова Юлия Алексеевна – студентка 5 курса факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия.

Андронникова Ольга Олеговна – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>, andronnikova_69@mail.ru

Information about the Authors

Yulia A. Melnikova – 5th year student of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

Olga O. Andronnikova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk, <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>, andronnikova_69@mail.ru

Вклад авторов:

Мельникова Юлия Алексеевна – проведение исследования, проведение расчетов, подготовка текста статьи.

Андронникова Ольга Олеговна – общая разработка концепции, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта статьи.

Authors' contribution:

Yulia A. Melnikova – conducting research, carrying out calculations, preparing the text of the article.

Olga O. Andronnikova – general development of the concept, preparation and editing of the text, approval of the final version of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила: 08.06.2024

Одобрена после рецензирования: 24.07.2024

Принята к публикации: 01.08.2024

Received: 08.06.2024

Approved after peer review: 24.07.2024

Accepted for publication: 01.08.2024

